

ДМИТРИЙ КУЛИШ

РЕГУЛЯТОР

РЕГУЛЯТОР

ДМИТРИЙ КУЛИШ

ПЛАНЖ

ДМИТРИЙ КУЛИШ

РЕГУЛЯТОР

ПЛАНЖ

РЕГУЛЯТОР

Роман

Дмитрий Кулиш

Издательство «ПЛАНЖ»

2016

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус) 6/4
К90

Художник обложки: Татьяна Никитина

Кулиш Д.М.
РЕГУЛЯТОР/Дмитрий Кулиш. – М.: ПЛАНЖ. – 320 с.

ISBN 978–5–7361–0178–8

У Кирилла есть любимая семья, успешный бизнес, друзья. Только не удаётся избежать неудовлетворённости и вечных вопросов «Что, как и зачем делать?» Хочется пустить всё на самотек, но происходят экстраординарные страшные события. Приходится искать выход, разбираться с «играми мозга» и находить ответы. Роман «Регулятор» сочетает в себе динамичный научно–фантастический квест, производственный роман и нескучное практическое руководство по решению жизненных проблем. Будет интересен и полезен широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус) 6/4
К90

© Кулиш Д.М., 2016
Издательство «Планж», 2016
ISBN 978–5–7361–0178–8

Алёше, Стёпе и А.О.

*Когда я допил всё, что было у них меж оконных рам,
Я сел на первый сабвей в Тируванантапурам...
Б.Г.*

*Когда Левин думал о том, что он такое и для чего он живет, он не находил ответа и приходил в
отчаянье; но когда он переставал спрашивать себя об этом, он как будто знал, и что он такое и для чего
он живет...
Л.Т.*

ВОСКРЕСЕНЬЕ.....	7
ПОНЕДЕЛЬНИК.....	24
ВТОРНИК.....	35
СРЕДА.....	46
ЧЕТВЕРГ.....	61
ЕГОР.....	72
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ.....	86
ШАМАН.....	101
КВЕСТ.....	115
ПЛАНЖ.....	128
ГЕРМАН.....	138

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Мы с Зоей никогда не выключаем радио на кухне – это одна из тех мелочей, на которых мы сошлись. Когда я впервые привёз Зою к себе домой, она прямо на пороге улыбнулась и сказала: «Ты тоже не выключаешь радио...» Появилась тема для беззаботного разговора, удачно подводящего к постели.

Наши с Зоей бабушки и дедушки передали родителям, а потом и внукам, привычку к непрекращающемуся радиобубнению. Во времена Советского Союза молодым семьям, выезжающим в предоставленную им каморку, в составе домашнего хозяйства полагалась радиорозетка. В эту розетку надо было воткнуть радиоточку – пластмассовую коробочку с ребристым громкоговорителем, двумя кнопками и колёсиком громкости. Нашим с Зоей родителям настоятельно рекомендовалось никогда не выключать радиоточку, поскольку именно по ней будет передано сообщение о воздушной тревоге в момент начала войны. Однако не выключали радиоточку по совсем другой причине. Не настолько были наши родители параноидальны, чтобы каждый день ждать войны. Не выключали, потому что мало в быту советского человека было развлечений. А тут тебе и розетка, в которую так и хочется что-то воткнуть, и живой человек в динамике, который никогда не прекращает с тобой разговаривать без малейших усилий и даже обязательств с твоей стороны... Постепенно развлечений стало больше, радиоприёмники перестали быть редкостью и даже ценностью, радиостанций стало больше, чем две, но на многих отечественных кухнях продолжает круглосуточно петь и бубнить радиоголос. И кисейная барышня, и угрюмый спецназовец ощущают щемящий комфорт, попадая в места и ситуации, которые возвращают нас в детство. Крепки те семейные пары, в которых детство у супругов было похожим, и этот щемящий комфорт наступает одновременно. Для нас с Зоей одним из атрибутов детства остаётся радиоголос на кухне.

Нелюбитель Советского Союза сейчас начнёт рассказывать, что этот самый Союз был империей зла и наши слюнявые воспоминания о комфортном детстве указывают лишь на наш низкий уровень исторической и социальной культуры. И что нашим родителям, на самом-то деле, вовсе не было так уж уютно в этих бесплатных лачугах, в атмосфере социалистического лицемерия и тотальной несвободы. Тут у меня нет однозначного мнения. Лицемерия и несвободы, конечно, было предостаточно, но где их нет? Когда мне полицейские спокойным голосом сообщили, что во всём городе Гонолулу по воле народа запрещены роликовые коньки, я особенно остро понял, что свобода – понятие относительное. То есть, воистину свободный народ запрещает свободу катания на роликах, но разрешает и отстаивает свободу ношения оружия. Неисповедимы пути Господни. Ну и с лицемерием то же самое: мещанин лицемерит и в Ярославле, и в Нью-Йорке.

А как измерить уют – непонятно. Родители всегда утверждали, что им в Союзе было вполне комфортно, да и сейчас продолжают утверждать. С другой стороны, хорошие люди рассказывали мне, как тяжело и унижительно было искать зимой восемьдесят первого года телефон-автомат в Подольске. И как становилось больно, когда выяснялось, что единственный на три квартала телефон не работает. Я слушаю такие рассказы с искренним сочувствием. С таким же сочувствием недавно выслушал крик души о том, что в Эль-Пасо никак не установят суперчарджер Тесла, а ближайшая зарядка находится только в шестидесяти милях у неприятного подозрительного реднека в пустыне за Лас-Крусесом... Сочувствую я и той и другой истории примерно одинаково. Но и слишком сильно не огорчаюсь. Люди меняются. Через двадцать лет эта же история вызовет щемящие воспоминания о прекрасном разноцветном прошлом, когда жизнь бурлила и можно было в дикую жару на последнем киловатте под бескрайним южным небом с выключенным для сбережения энергии кондиционером и одной на троих бутылкой горячего пива ехать за шестьдесят миль искать проклятую зарядку... Это если в молодости вокруг были весёлые спокойные люди. А если в молодости люди вокруг были грустные и нервные, то проклятая зарядка будет всю жизнь возвращаться

ночным кошмаром и не давать спокойно жить. Тут уж кому как повезло. География и большевики ни при чём. Большевики, конечно, приложили много усилий к тому, чтобы вокруг было меньше весёлых, спокойных людей, а больше злых и нервных. Но наши с Зоей родители как-то разобрались с этой проблемой. За что им спасибо!

Воскресенье начиналось хорошо. В плечо уютно посапывала Зоя. Из Олежкиной комнаты доносились привычные утренние звуки нашего дома – взрывы и крики. Этим летом весь Олежкин 5-ый «Б» класс был захвачен похищением автобусов Автоботами. Олег специально просыпался пораньше, чтобы угнать пару автобусов, не опасаясь наезда родителей на столь дорогих ему Автоботов. Странно, что звук не отключил или наушники не надел. Вроде, умный ребёнок. Ну да ладно, не так уж и громко – видимо, ему так интереснее.

Меня трясёт от увлечения сына компьютерными играми. То, что он способен просидеть с планшетом или за компьютером целый день, навеивает мне видения атрофии мышц и мыслительных способностей со всеми катастрофическими последствиями алкоголизма или не дай Бог вообще героиновой агонии. От этого роскошного полотна просто так не отмахнуться. Я пожаловался на этот ужас отцу, но тот только хмыкнул и сказал, что я сам в Олеговом возрасте мог целый день читать книгу и играть в солдатиков. «Но книги и солдатика лучше, чем компьютер!» – возопил я. «Чем?» – невинно спросил отец и действительно уел меня этим вопросом. Объективно глядя на вещи, расставлять металлических солдатиков по полу или виртуальных на экране – это почти одно и то же с точки зрения развития комбинаторных и структурных навыков. Читать книгу про пиратов или гонять пиратов по экрану – это несколько разные вещи, но из современной компьютерной игры ребёнок явно получает какие-то знания и навыки в области графического дизайна, которых не даёт книга. А мышцы атрофируются меньше, чем от чтения, поскольку книга – объект статичный, а в компьютере надо тыкать кнопки, причём весьма сосредоточенно и осознанно... Я, кстати, тоже иногда играл с Олежкой в квесты и стрелялки и получал удовольствие. Но мне быстро надоедало, а он продолжал азартно стрелять по Десептиконам... Может, это говорит моя зависть к его искреннему увлечению на фоне моей апатии? Подсознательно мы чувствуем, что любая наша апатия там, где у кого-то бьёт энергия, – это плохо. Это – проигрыш, причём даже не на уровне бытовухи, а на каком-то более фундаментальном глубинном уровне. Если нет энергии и вдохновения, то в реальную жизнь можно даже не заходить – ничего не получится.

Потом отец уточнил, как у Олежки со школой и другими увлечениями. Я ответил, что всё нормально – в школе четвёрки и пятёрки, секция горных лыж, дача и выездные лагеря летом. Родителей слушается, со сверстниками дружит. Хороший ребёнок.

– Вот и всё, – сказал отец. – Расслабься. Пусть играет, пока не появятся проблемы. А когда появятся, будешь их решать по мере поступления.

– Некоторые проблемы бывает поздно решать по мере поступления, – уверенно парировал я.

– Очень мало таких проблем, – задумчиво ответил отец, глядя далеко за моё плечо. Похоже, он искренне пытался вспомнить хоть одну такую проблему и не мог.

Я уговорил себя, что компьютерные игры – это не так уж плохо, но в глубине души продолжал бояться и ненавидеть их. Постоянно долдонил Олегу, что играть надо меньше, пытался ограничить время игры, количество приставок и компьютеров в доме.

* * *

Вчера Зоя с Олежкой вернулись с дачи, где они отлично жили вместе с Зоиной мамой и охотнее звали меня к себе, чем приезжали ко мне в город. Сегодня им надо было пойти на день рождения Олежкиного одноклассника, и отказаться от этой социальной функции Зоя не смогла. Летние детские дни рождения носят какой-то странный оттенок обязаловки во время расслабухи. Надо специально съезжаться в пыльный город и участвовать в натужном увеселении детей в полупустом кафе, стесняющемся своей пустоты. Родители именинника может и пригласили бы всех на дачу, но понимают, что туда и вовсе никто не доедет... Летом городской дом выглядит как-то нелепо. Особенно для детей, которые вроде бы этот дом на все каникулы покинули, а теперь зачем-то возвращаются. Глупо доставать из шкафа машинки и роботов, потому что завтра же придётся их убирать. Во дворе никого нет. Кругом разрыв шаблона... Неудивительно,

что люди такие разные – ребёнок с летним днём рождения имеет совсем иной опыт застолий, дружбы, да и многих других фундаментальных понятий, чем ребёнок с днём рождения в учебное время. Понятно, что оба опыта не хороши и не плохи, но когда эти два ребёнка пытаются договориться во взрослой жизни, их подстерегают недопонимание, неожиданности и напряги.

Я был рад, что Зоя приехала с дачи. Даже в круговерти работы удавалось по ней соскучиться. Конечно, я часто ездил к ним с Олежкой, но их отсутствие в квартире создало ощущение пустоты, которая сейчас приятно заполнилась. Зоина попа соблазнительно выглядывала из-под одеяла, и меня уносили тёплые мысли о том, какая у меня классная жена и как я её люблю.

Мы познакомилась с Зоей на занятиях по йоге. Группа была большая и мы смотрели друг на друга издали. То есть, конечно, я смотрел, а она посматривала. Трудно отвести глаза от стройной и гибкой девушки, но вот повода заговорить никак не находилось. Однажды в конце занятия преподаватель сказал взволнованным голосом, что сегодня по просьбе многих занимающихся он проведёт получасовое занятие по медитации – мы будем дышать чакрами под мантру. Пришлось как ошпаренному вскочить и вылететь из зала.

Меня всегда раздражали трактовки йоги как чего-то волшебного, несущего уникальный ключ к прозрению и исцелению. Я хожу на йогу просто потому, что она является идеальным видом фитнеса по соотношению цена-качество. Йога – это выверенный веками набор гимнастических упражнений, позволяющий за полтора часа размять и проработать все группы мышц. Конечно, столь же качественный набор упражнений можно было бы получить у любого выпускника института физкультуры при условии, что он не троечник, или просто у весёлого тренера в спортзале. Но по какой-то странной причине тренер в спортзале стоит раз в пять дороже, чем занятие по йоге, а выпускники института физкультуры не предлагают свои услуги вот так вот запросто. А студии йоги располагаются по всему городу, старательно себя рекламируют и держат невысокие цены. На это, видимо, есть какие-то микро- и макроэкономические причины, но они меня не занимают и никогда не занимали. После простенького эконометрического анализа вариантов фитнеса я уверенно выбрал йогу, иногда отвлекаясь на дорожку и железо, но никогда не отвлекаясь на всякую псевдодуховную лабуду. Это была абсолютно прагматическая позиция. Всякий раз, когда собеседник примешивал к йоге всякие неконкретные непонятные слова типа мантр, сутр и нирван, моя эконометрическая модель начинала мигать красной лампой, указывая, что я трачу ценное время не на полезную физкультуру, а на бесполезную болтовню. Тренер по йоге, к которому я ходил, нравился мне именно потому, что за полгода он ни разу не сказал ни одного такого слова. И тут, на тебе, медитация.

Вылетев за дверь, я все-таки не удержался и решил посмотреть в щёлочку, как они там медитируют, – и больно получил дверью по носу и глазу. Когда я пришёл в себя, передо мной стояла та самая девушка. «Извини, – сказала она, – я нечаянно. Я убежала от медитации».

– Что ж в ней такого страшного?

– Не люблю, когда к хорошему понятному поезду прицепляют непонятный закрытый вагон.

Я испугался столь витиеватой мысли, но лицом изобразил восторг и почтение. Девушка налила воды в пластмассовый стаканчик и решила рассеять повисшую тишину, ещё более усложнив мысль:

– В наших фильмах в таком вагоне дислоцируется взвод автоматчиков, который сначала считается личной охраной руководителя, но потом по факту оказывается конвоем на твоём этапе. А в американских фильмах в таких вагонах сидят строгие люди в наушниках, которые с помощью сложной аппаратуры перлюстрируют и психотропно зомбируют население. А других фильмов я не смотрела. Так что я лучше сойду.

Учитывая, что Зоины попа и грудь уже давно меня впечатлили, чёткость мышления просто сразила наповал. Редкая девочка так лихо складывает слова. Она, видимо, долго эту фразу репетировала перед зеркалом.

Вскоре и во многих других вопросах у нас нашлись родство душ и сходство интересов, поэтому довольно быстро мы стали жить вместе. Со временем я осознал важнейшее Зоино достоинство, которое держит меня около неё скоро уже десять лет (мне, конечно, также хотелось бы понять, что держит Зою около меня, но она тщательно это скрывает). Зойкина магия скрыта от окружающих, причём не одеждой. Как раз одежда и то, что под ней и вокруг неё, вполне очевидны восторженной публике. Зоя много

занималась танцами и великолепно развила женские навыки преображения и очарования. Пять минут назад за кулисами девушка горячо обсуждала с подругами что-то очень бытовое и, может быть, даже ссорилась с ними из-за потерянных тапочек, но зажглись огни рампы, и обычные девушки стали белыми лебедями или пуше того обольстительницами из гарема султана, грациозно плывущими в волнах лёгких разноцветных тканей, из под которых с дурманящей точностью появляются лодыжки, колени, плечи, улыбки, взгляды и прочие сладости. Пульс ускоряется как Порш на светофоре. Зоина очаровательная улыбка, вкус в одежде и грация пользуются неизменной популярностью на вечеринках и наполняют меня гордостью. Но привязанность моя укоренена не в этом.

Главное в том, что Зоя потрясающе «включает любовь». Это дурацкое словосочетание пропитано машинным маслом и нарочитым цинизмом, рождающим мысли о серости и неискренности. А я просто пытаюсь черно-белыми плоскими буквами описать тот поток тепла и света, волшебную лампочку, которая вспыхивает в Зое в лучшие её минуты. Её глаза и тело заливают меня любовью и спокойствием. В Зоинем тепле я купаюсь, возрождаюсь и набираюсь сил для разборок с окружающим миром. Она наполняет меня нежностью, верой и вдохновением. Её слова чеканны и плавны одновременно – невозможно не верить в то, что она говорит, и сомневаться в том, что она тоже в это верит. Она говорит, что любит, что я лучший. И я ей верю. И хочется жить дальше. И будь что будет. А будет всё хорошо.

Конечно, говорить правильные слова и смотреть волшебным взглядом – это первое женское искусство, за которое мы и любим женщин. Невозможно также обойтись и без второго – широко и маняще раздвинутых ног. Эти два искусства даны женщине на генетическом уровне и поначалу кажутся необходимыми и достаточными, но потом выясняется, что за ними должно стоять что-то ещё. Начинаящий мужчина пребывает в уверенности, что всё, что ему может дать женщина – это маняще-нежно посмотреть, перестать ломаться и раздвинуть ноги. После этого теоретически должны наступить восторг и победа. Но идёт время, растёт, извините за выражение, опыт, ноги раздвигаются всё чаще, а вот восторг почему-то приходит всё реже. Не говоря уже о победе. Ноги-то она уже давно раздвинула, а восторг не приходит и не приходит. В очередном раунде не приходит даже эрекция и мужчина переходит на следующий уровень восприятия женщин.

Оказывается, что кроме раздвинутых ног для эрекции должно случиться ещё что-то такое, чего словами уже никак не описать. Кто-то называет это «химией», кто-то «энергией», ну а кто-то, потеряв надежду найти точное определение, использует избитый и неопределённый термин «любовь». Увы, это определение слишком многозначно, чтобы что-то прояснить. Опытный мужчина знает, что это слово можно сказать хоть десять раз, но ни духовного подъёма, ни даже эрекции от этого не случится. Так что лучше опираться не на слова, а на чувства. Вот эти самые чувства Зоя возбуждает необычайно. Иногда меня даже раздражает, что при малейшем намерении она возбуждает их не только во мне, но и в любом встречном-поперечном. Но, кажется, во мне она их возбуждает с большим удовольствием. Наверное, это и есть любовь.

Разумеется, и до встречи с Зоей, и даже некоторое время после нашего знакомства, в моей жизни были другие женщины. И, разумеется, все эти женщины попадали в мою жизнь потому, что были стройными, грациозными, женственными, весёлыми и говорили правильные слова. Но и до, и после я снова и снова убеждался, что лампочка в этих женщинах либо не вспыхивала вообще, либо горела гораздо слабее, чем в Зое. Я не считаю себя Казановой, перед которым все лампочки должны зажигаться на полную мощность. Вполне возможно, что те женщины, которым я надменно понижаю оценку, нашли себе гораздо более достойные объекты освещения, а меня вспоминают как нагловатого толстеющего задаваку, недостойного их света. Дай им бог здоровья и счастья. Возможно, Зоя светила мне не потому, что я вот такой вот гениальный и сексапильный, а потому что по какой-то неведомой мне, а, возможно, и ей причине, я лучше других подошёл. Но для меня это неважно! Важно, что Зоя освещает и греет меня сильнее, чем любая другая женщина. И это, наверное, тоже любовь.

Увы, у этой идиллии, как и у всех других идиллий, есть обратная сторона. Также мощно и ярко, как Зоя греет и светит, она мучает и уничтожает. Совершенно неожиданно она вспыхивает, как спичка, и устраивает истерики и скандалы. В тяжёлые моменты она способна на такие обидные, ранящие слова и поступки, на которые не только не отважатся другие женщины, но которые вообще выходят за рамки разумного. Она кричит мне в лицо, что я стареющий импотент и вечный неудачник, обречённый на помойку и уныние, что

она идёт на свидание с тренером из спортзала и наконец–то пообщается с нормальным кавалером и надеется на успешное завершение вечера. Потом меняет тон на строго формальный и сообщает, что вот прямо сейчас сдаст мои подставные ООО–однодневки в налоговую инспекцию, а то и сразу в прокуратуру, чтобы два раза не ходить. Потом орёт, что ещё и задокументирует у врача синяк на локте и заявит на меня участковому по факту семейного насилия. А чтобы это всё лучше усвоилось, хлопает дверями так, что сверху что–то сыпется. Мужу бы за такое шоу я набил морду, а что делать с Зоей – не знаю. Иногда мы дерёмся, но в силу этико–социальных норм, а также прямых Зоиных угроз уголовным преследованием, нормально двинуть я ей не могу и получается не драка, а эдакая гимнастическая композиция на тему взаимной ненависти. Иногда мы просто бьём посуду, а потом решительно расходимся. Расходились мы раз пятнадцать. Из них раз десять – навсегда. Пару раз она не хотела расходиться, и я вышвыривал её из дома, не в силах так вот просто переварить ведро её ненависти.

Потом мы сходимся. Иногда случайно, а иногда сурово–осознанно, понимая, что деваться друг от друга нам особо некуда, так много любви и счастья мы даём друг другу в хорошие моменты... Говорят, что женщина имеет право на эмоциональный взрыв, а мудрый сильный мужчина должен прощать и успокаивать. Может, так и есть, но, увы, это выше моих сил. Не замечать и прощать её сложно выстроенные, продуманные и спланированные оскорбления и издевательства я не могу. Я ни разу не подвёл и не обидел её всерьёз, а она надо мной издевается. Когда Зоя начинает на меня орать, меня захлёстывает мутная волна, в которой нет ни разума, ни любви – только боль и ненависть. В этот момент мы оба сходим с ума и выйти из этого состояния так вот просто не можем.

Я пытаюсь изучать и предсказывать её истерики. Иногда Зоя сходит с ума от бытовых трудностей типа пробитого колеса или больного горла, причём неважно, болит горло у меня или у неё. А иногда к взрыву приводит какой–то её собственный внутренний процесс, о природе которого она, разумеется, не докладывает... Всякий раз, когда мы миримся и сходимся, я выясняю у Зои, из–за чего она взорвалась в этот раз и что мне надо делать в следующий раз, чтобы этого не случилось. Наверное, это звучит отвратительно занудно, но как выяснять такие вещи незанудно, я не знаю. Она говорит общие слова, типа надо быть к ней внимательнее и нежнее и тогда–то всё будет хорошо. Какое–то время мы держимся, а потом снова срываемся. Непонятно, кто прав, кто виноват, но весь этот кошмар начинается сначала. Истерика выстреливает мгновенно, неотвратимо и выглядит, как конец мира. И так десять лет. Каждый год я жду, что станет полегче, но ничего не меняется... Скоро уже Олежка замечать начнёт. Я что–то объясняю себе, пытаюсь быть внимательнее и нежнее, но всякий раз Зоя кричит так же зло и искренне, как в первый раз, а я обижаюсь и схожу с ума так же горько, как в первый раз. И в глубине души у меня постоянно тлеет опасение, что вот–вот наша система всё–таки разрушится, и я стану противным обществу типом, который бросил женщину с ребёнком из–за той малости, что она на него кричала. Мысль о потере Зоиной любви и Олежкиного счастья для меня не просто болезненна, а невыносима. Я вообще не могу думать в эту сторону. Но и переносить Зоину агрессию и издевательства тоже не могу. Такие дела.

* * *

Чтобы рассеять грустные мысли, захотелось пойти в кабинет побренчать на гитаре. Гитара манила и успокаивала, но вот уже пару месяцев я её побаивался. В детстве мы много сидели с гитарой во дворе с одноклассником Егором и его старшим братом Антоном. Антон был аж на десять лет старше, но возился с нами, показывал аккорды, учил общению со старшими ребятами и в результате создал волшебную субкультуру нашего двора, которую я до сих пор вспоминаю с тёплой грустью по прошедшему Золотому Веку. Я никогда не считал себя великим музыкантом, но в память о дворе хранил старую акустическую деревяшку и иногда долбал по струнам. Полгода назад я случайно увидел у Егора электрогитару, и она меня заинтересовала даже не как инструмент, а как яркая вещица, модный гаджет. Ворона, дремлющая во мне, захотела такую же. К покупке я подошёл спокойно и практично, как к приобретению комплекта зимних шин: изучил интернет–обзоры, каталоги, понял, какие типы и виды считаются сегодня самыми модными и качественными и выписал названия. Находясь на переговорах в Сан–Франциско, зашёл в хороший магазин, выбрал гитару, уверенно лидирующую во всех рейтингах, и заплатил за неё цену значительно меньшую, чем цена Зоиногo автомобиля. Дома гордо установил гитару на видное место и стал побренькивать. Тут надо

отметить, что цена автомобиля моей жены является для меня нижним пределом больших денег. И я очень благодарен Зое, что она соглашается именно на такой автомобиль, а не требует всё дороже и дороже, как бывает с её подругами.

Пару месяцев назад ко мне забежал Егор. В последнее время жизнь нас развела и общались мы не так часто, как раньше. Егор подрабатывал фриланс–программистом с непредсказуемыми заказами и невысокой ставкой – мы вращались на разных орбитах. Но память детства всё–таки держала нас вместе. Двадцать пять лет общения научили нас не тыкать друг другу в больные места, и мы получали искреннее удовольствие от общения.

В этот раз Егор позвонил взбудораженный и примчался за советом. Впервые в жизни клиент наотрез отказался платить ему налом и потребовал принять оплату по договору в белую. Егор офигел. Не то, чтобы его волновали налоги, расходы на бухгалтера и прочие организационно–экономические вопросы. Всё было хуже и фундаментальнее. Егору, как и большинству россиян, за любой официальной бумагой с подписью и печатью виделись бесконечные очереди и измывательства в бюрократических коридорах, а потом и туманные, но такие популярные в народе чудища: рейдеры, наезды налоговой, обвинение в экономических преступлениях и смерть за решёткой, ну или, как минимум, в горькой нищете. Сначала я иронично повыспрашивал у него, кто и с какой целью может замышлять на него рейдерскую атаку. Егор расстроился ещё больше. Тогда я согласился принять платёж на одно из моих юриц, но объяснил, что денег не дам, пока он не предоставит мне все счета, отчёты и прочую бумажную канитель. Что забавно, это его ничуть не напрягло. Он сразу расслабился и повеселел, а я погрузился, поскольку понял, что могу потерять друга. Отчёты он не предоставит и деньги я ему не отдам – буду держать их в резерве на возврат контрагенту по причине незакрытия договора... Потом я расслабился, поскольку понял, что Егор отнесётся ко всей этой истории, как к столкновению с кораблём–призраком, и будет только рад, что страшная тень исчезла в тумане, пусть даже за его же счет. Так и случилось. Его деньги до сих пор болтаются на счету. Надеюсь, в конце года удастся их списать за неявкой контрагента и тогда я таки отдам их Егору.

Бухгалтерские грёзы были прерваны сдавленным стоном Егора: «Это что?» Он смотрел на мою новую гитару с выражением футболиста премьер–лиги, не забившего с линии ворот. После обмена короткими эмоциональными репликами выяснилось, что я умудрился купить самую дорогую и крутую гитару в мире. Типа «Роллс–Ройса» или «Бугатти» в мире гитар. Дороже были только сильно тюнингованные вещи, практически ручная работа, либо такие же гитары, как моя, но с фломастерной подписью Боба Марли или Гребенщикова. Оказалось, что таких гитар во всей России совсем немного и позволить их себе могут только звёзды. Меня это открытие впечатлило. Не столько факт обладания такой уникальной штукой, сколько лёгкость, с которой это приобретение мне далось. Просто пришёл в магазин и просто купил эту вещь и мой бюджет не сильно напрягся. То есть, по критерию обладания электрогитарой я оказался в ряду богатейших людей страны, а то и мира, и это не может не греть самолюбие пацана. Причём, судя по взгляду и реакции Егора, нельзя было сказать, что такие тут у нас все. С некоторым напряжением и даже горечью Егор объяснил, что и он, и все его друзья уже лет десять мечтают вот об этой конкретной гитаре, но никто пока даже не приблизился к заветному обладанию.

Я тут же сообразил, что могу срубить тонну народной любви и восхищения, если притащу эту гитару, скажем, на корпоратив и забабахая там какую–нибудь народную песню. Сладкий дым гордости моими неминуемыми достижениями повис в воздухе, но вмиг был рассеян неожиданным и страшным событием. Егор взял гитару, обыденно воткнул в комбик драм–машину и заиграл простенький блюз. Лет пять я не слышал, как Егор играет, и у меня отвалилась челюсть. Чистый точный звук пробивал кожу и стены. Музыка переливалась задумчивыми синкопами, прыгала по тревожным басам и взрывалась решительными мощными аккордами, которые растворялись в смеющихся, поющих, кукующих и квакающих на верхних нотах речитативах. Меня пронзило понимание того, что любой человек, разбирающийся в электрогитарах, услышав мои упражнения, вместо того чтобы радоваться моему культурному развитию и материальному благосостоянию, взгрустнёт, что ещё один богатый идиот бесится с жиру и тратит деньги на то, с чем он не может справиться. Типа купил «Феррари» и врезался в столб. Лучше бы клумбу во дворе вскопал и цветочки вырастил...

А я—то не хотел выглядеть богатым идиотом! Я хотел выглядеть богатым модным пацаном. Это было моей тщательно скрываемой болью и мечтой. К своему искреннему стыду и огорчению, я болезненно завидовал тем, кто уже заработал денег. Сколько угодно я мог объяснять себе прописные истины, что не в деньгах счастье, а зарабатывающий достигает не каких—то сияющих высот, а всего лишь новых уровней бедности. Никому никогда не удавалось купить самую дорогую машину и построить самый большой дом. Всегда неожиданно находилось что—то более дорогое и большее... Тем не менее я мечтал о тех временах, когда у меня будет столько денег, что я смогу купить любую дорогую вещь, не задумываясь и не напрягаясь, как это получилось вот с этой конкретной гитарой. У многих моих партнёров и конкурентов по бизнесу были машины классом выше моей, а я такую себе позволить ещё не мог. От осознания этого у меня ныло в груди. Тело заполняла слабость, руки опускались. Я понимал, что эти люди работали больше моего и повезло им больше моего, но облегчения это не приносило... И вот я вроде бы выиграл маленькое гитарное сражение в этой большой игре, а Егор вырвал приз прямо у меня из рук. Вместо демонстрации моего статуса и могущества гитара обнажила мою корявость в ещё одной области жизни. Теперь в минуты меланхолического ничегонеделания я зависал между двумя противоборствующими желаниями: побренчать, как в старые добрые времена, или не сыпать соль на рану. В это прекрасное воскресное утро старые добрые времена победили. И это было хорошо.

* * *

Мы с Олегом совместными усилиями разбудили Зою. Она встала, накинула синий шёлковый халат, поцеловала меня и отправилась готовить завтрак, строго крикнув Олегу: «Выключай компьютер и садись за книгу!» Олег с готовностью откликнулся: «Да, мам». И, конечно, ни на секунду не остановился. Этот ритуал прижился у нас давно. Чтобы оторвать Олега от компьютера и усадить за книгу, нужно гораздо большее физическое усилие, чем родительский окрик. Но воскресным утром и окрик казался достаточным вкладом в выполнение родительского долга. Пусть играет пока. Зоя загремела на кухне посудой. А минут через двадцать позвала: «Мужчины, завтрак готов!»

Я пошёл отрывать Олежку от Автоботов. Он ритуально притворился глухим, я ритуально рявкнул, и он отправился чистить зубы. Наконец мы расселись за кухонным столом. Идиллическая картина — омлет с помидорами, бутерброды на блюдечке и дымящийся кофе — привела меня в восторженно—влюблённое состояние.

— Ну, рассказывайте, что нового на даче? — начал я застольную беседу.

— Да особо ничего, всё по—старому, — стала рассказывать Зоя, — Гремяков из одиннадцатого дома позавчера поставил новый забор и прирезал к своему участку ещё метр. А вчера молодой человек приехал к Катьке на своём КАМАЗе. Глядь, а КАМАЗ—то проехать не может. В понедельник ещё мог, а теперь вдруг нет. Молодой человек задумался. Вспомнил, что во вторник в гараже мастер предлагал ему кузов сдвинуть назад и расширить, чтобы увеличить грузоподъёмность. Ну и решил, что это ему кузов без спроса сдвинули. Стал звонить и орать на мастера.

Я знал Катьку — сочная деваха на пике сексапильности. Часто в деревне она меня отвлекала от идиллически—патриархальных мыслей своими точёными лодыжками, крепкой грудью над спортивной талией и живым влажным взглядом. Я почти было улетел в эротические мысли о Катьке, но решительно вернулся в семью на развитие Зоиною сюжета:

— Гремяков вышел на шум. Катька вышла на шум. Катька—то всё сразу поняла и принялась орать на Гремякова, что он самоуправничает и за это будет наказан Богом и людьми. Гремяков стал орать на Катьку, что лучше бы она занималась своими делами и следила за своим, а не за чужим забором. Молодой человек перестал говорить по мобиле, увидел, что Гремяков орёт на Катьку, взял его за шиворот и встряхнул. Я была уверена, что сейчас Гремякова и правда Бог накажет, но Гремяков вдруг удивительно удачно сменил тон и тему — надо у него поучиться. Оказывается, Гремяков хорошо разбирается в КАМАЗах и внимательно слушал телефонный разговор. Он сказал парню, что всё у него с кузовом нормально, а потом тут же объяснил, как сделать, чтобы КАМАЗ меньше жрал масла. Тема масла оказалась насущной и парень полностью погрузился в технические детали. Потом Гремяков сказал Катьке, что она великолепно выглядит и неудивительно, что к ней ездят такие замечательные молодые люди на таких замечательных КАМАЗах.

Его жена тут же вынесла бутылку самодельного вина из черноплодки, которым Гремяков славится на всю деревню, и Гремяков галантно вручил вино, как он выразился, «молодой и красивой паре». Катька растаяла и забыла, о чём тут вообще речь.

Олежка с удовольствием слушал мамин рассказ, заливался смехом и поддакивал. Он не лез во взрослые дела, но довольно точно оценивал расклады. Зоя продолжала, раззадориваясь:

– Все помирились и практически разошлись по своим делам, но молодой человек вдруг вспомнил, из-за чего разгорелся весь сыр-бор, и растерянно спросил, как же теперь ему проехать к Катьке. Гремяков сделал грустное лицо и объяснил, что во вторник в четырнадцатый дом проложили газовую магистраль, сэкономили на канаве и не заглубили её достаточно, и теперь КАМАЗам по деревенской улице ездить нельзя. Они, собственно, будучи полномерными грузовиками, никогда не имели права ездить по деревенской улице, но теперь им ездить ну совсем никак нельзя. Катька насупилась и согласилась, что газ в четырнадцатый дом действительно проложили. Было видно, что она не уверена ни разу, что по этому газу не могут ездить КАМАЗы, но на столь высоком техническом и юридическом уровне дискуссии уже чувствовала себя неуверенно и наглухо замолчала, уткнувшись в плечо молодому человеку. Тот сказал, что газовая магистраль – это, конечно, не шутки. КАМАЗ уехал, и история завершилась ко всеобщему удовлетворению... Теперь я пытаюсь понять: Гремяков – он злодей или герой нашего времени. Я ведь тоже рада, что теперь мимо нашего дома не будут КАМАЗы ездить...

Я искренне рассмеялся и подтвердил:

– Да уж, деревенская политика – политикой, а КАМАЗы кто-то должен отваживать.

– А что у тебя? – переключилась Зоя.

– Да всё по-прежнему, – стал рассказывать я, – очередную партию произвели и отгрузили Герману, он доволен. Но следующую партию заказывать не стал, нет пока заказов, говорит. Простаиваем. Я ишу заказы, но без Германа ничего найти не могу. Весь рынок работает только через него и через Голицына, но если я сделаю хоть одну сделку с Голицыным, то Герман мне причинное место отпилит.

– Папа, что такое причинное место? – влез Олег.

– Узнаешь ещё, – отмахнулся я, – А пока тебе только нужно запомнить, что нельзя допускать, чтобы кто-нибудь пытался отпилить тебе причинное место.

Олег задумался, обиделся на свою недопущенность к важной информации и резко ушёл в свою комнату, не сказав спасибо и не убрав тарелку в раковину. «Что надо сказать? Что надо сделать?» – закричал было я в приступе возмущения нарушением формата сыновнего почтения, но Зоя шикнула на меня и замахала рукой: «Расслабься, будешь воспитывать, когда он с каникул вернётся». Из комнаты донеслись взрывы и крики Автоботов. Я подумал, что и обиду Олег инсценировал, чтобы поскорее вернуться на помощь к своим. А то им там тяжело без него. Оптимус Прайм весь в пробоинах и дымится, правую ракетницу заклинило. Надо срочно искать кристалл здоровья и спасти ситуацию.

Завтрак был закончен.

– Кирилл, слушай, – обратилась ко мне Зоя, – у меня в фонарике на даче оказались какие-то совершенно безумные нестандартные батарейки. Вот тебе образец – купи мне, пожалуйста, пока мы с Олежкой будем в гостях, чтоб я потом их на дачу увезла. Их, наверное, можно найти только в большом торговом центре.

– А что, я сегодня поеду в большой торговый центр? – удивился я.

– Да, надо сдать вещи в химчистку.

– Спасибо, дорогая, что распланировала мой день, – сказал я и чмокнул Зою в щёку.

– Не нарывайся, – строго ответила она. Как это у неё так получается, твердо, но нежно?

* * *

Неожиданно на кухню вернулся Олег: «Папа, мне нужна твоя помощь». Несмотря на то, что у меня ещё не рассеялся боевой задор на тему его неформатного убегания из-за стола, эта просьба мгновенно погрузила меня в сладкий родительский транс. Сын, обращающийся за помощью к отцу, – это прекрасная высокодуховная картина, оправдывающая все тяготы родительства. Отец имеет возможность расправить плечи, потрепать подростка по плечу и проявить эрудицию, смётку, заботу, любовь и прочее великолепие.

– Что случилось, Олежик? – сказал я голосом, исполненным нежности, силы и мудрости.

– Баба Лиза с дачи подарила мне новую игровую приставку, а она не работает.

Идиллия разбилась вдребезги. Моей первой реакцией было решительно отправить приставку назад неизвестной бабе Лизе. Тем более, что приставка не работает. Зоя почувствовала недоброе и мягко попросила:

– Помоги ему. Он очень обрадовался этому подарку.

– Что за баба Лиза? – процедил я, переключив негодование на непрошеного дарителя.

– Хорошая тётка, соседка на даче. Дружит с мамой сто лет. Любит Олежку.

– Что за приставка?

– Не знаю. Помоги ребёнку, пожалуйста. Мы договаривались, что на каникулах играть можно много, а когда начнётся учебный год, урежем рацион.

Мы действительно об этом договаривались. Я сменил гнев на милость, сделал мудрое отцовское лицо и отправился с Олегом в его комнату. Передо мной предстало устройство, совершенно не похожее на игровую приставку. Это был мотоциклетный шлем в хорошем состоянии, но совсем старомодный. Теперь такие шлемы не делают. Серый проводок соединял шлем с серой же квадратной панелью, на которой находился круговой регулятор. В середине была цифра ноль. По часовой стрелке располагались цифры 1, 2, 3 и 4. А против часовой, соответственно, –1, –2, –3 и –4. От пульта шёл сетевой шнур с обычной вилкой. На обратной стороне пульта было что-то написано по-немецки.

– Ух ты, какая штука! А что она делает? Где инструкция?

– Не знаю, – сказал Олег разочарованно, – инструкции нет.

– А что говорила баба Лиза?

– Ничего не говорила. Сказала только, что это волшебная вещь.

– Хм. А почему ты вообще решил, что это игровая приставка?

– Ну помнишь, вы мне покупали в прошлом году очки, в которых гонялись машинки. Я думаю, это что-то похожее. Но у меня ничего не получается...

Эти слова Олег произнёс ну совсем расстроенным голосом. Меня восхищает способность детей искренне и глубоко огорчаться по всяким смешным темам. Огорчённому ребёнку нельзя не помочь, даже если ты не его папа... Очки, действительно, были. Но мы ему их не покупали – это был подарок бабушки с бабушкой на Новый год. Я в них поиграть не смог – качество было отвратительное, машинок практически не видно. Но Олег честно просидел в очках три часа, а потом они сломались к всеобщему удовлетворению.

Я решительно вставил вилку в розетку. Пульт загудел. Я надел шлем на голову и повернул регулятор на «плюс один». Ничего не произошло.

– Папа, я уже всё это делал, – сказал Олег, – оно не работает.

И, чуть помедлив, добавил:

– Там на затылке под тряпочкой есть тумблер. Его надо зафиксировать вперёд и вверх, а потом прижать головой. Я пытался, но у меня голова маленькая и он сразу отщёлкивается.

– Надо же, какой умный и деловой ребёнок, – подумал я. Вслух спросил:

– А подушку не пробовал подложить?

– Не влазит, – сокрушённо констатировал Олег.

– А можно ещё подложить маленькое полотенце.

– Спасибо, папа, – просиял Олег и умчался в ванную за полотенцем.

Я нашупал тумблер, надел шлем, зафиксировал тумблер вперёд и вверх, прижав головой, и повернул регулятор на плюс два. Острая боль так резко ударила в виски, что я вскочил со стула и почти инстинктивно крутанул регулятор обратно на ноль. Пришел в себя, уже сидя на полу. Передо мной стоял довольный Олег и засовывал полотенце в шлем.

– Подожди, – сказал я, – с этой штукой что-то не так. Дай, я разберусь.

– Папа-а-а-а, – заныл Олег, – это моя игра. Я сам разберусь.

– Олег, спокойно. Через десять минут я отдам тебе эту штуку, если с ней всё нормально. Я должен её проверить.

Я решительно взял шлем, унёс в кабинет и плотно закрыл дверь. Внимательно осмотрел устройство и не увидел ничего нового. Надел шлем. Аккуратно выкрутил регулятор на плюс один. Боль в голове снова появилась, но она была тише, чем в первый раз, – вероятно, из-за того, что не была неожиданной. Казалось, что по вискам и затылку постукивают маленькие молоточки. Примерно через минуту я к ним привык и стал прислушиваться к своему состоянию. Ничего особенного не происходило, хотя я явно ощущал: что-то происходит. В сознании появилось что-то типа бегущей строки: «Какой же я идиот! Почему всю жизнь я влипаю в глупые ситуации, в которые не попадает больше ни один вмняемый человек. Ребёнок приволок неизвестный шлем, найденный чуть ли не на помойке, и я сразу засунул в него свою голову. Придурок! С такими замашками не только разбогатеть, но и выжить – то будет сложно. Рано или поздно я себя ухайдокаю какой-нибудь очередной глупостью!» Вдобавок к молоточкам в висках и затылке появилась резкая боль в шее и спине, а потом всё тело залило какое-то тоскливое осознание, что шансов у меня нет вообще ни на что. Заныло сердце. Я почувствовал, что меня заполняет какая-то странная апатия и, сделав последнее, чуть ли ни предсмертное усилие, крутанул регулятор в обратную сторону.

Апатия, тоска, бегущая строка исчезли, испарились, улетучились. Над только что серым и холодным миром возшло тёплое солнце, которое было ярким ровно настолько, чтобы окрасить всё в изысканные цвета, но не ослепить. Взгляд упал на регулятор – оказалось, что тот попал на минус два. Меня затопила счастливая расслабленность. Я подумал, а скорее не подумал, а явственно ощутил, что я молодец. Починил ребёнку игрушку и справился с неизвестной опасностью. Мир прекрасен. Обои на стене имеют волшебный тонкий узор – его рисовал гениальный добрый художник. Дерево с улицы заглядывает в окно филигранными листьями, у каждого из них свой уникальный оттенок и рисунок, а вместе они создают симфонию величия и красоты природы и мира. Цветок на подоконнике ещё вчера казался обыденной деталью интерьера, а теперь его сочные красные бутоны играют тонкую мелодию. Переливаются глубинами и оттенками красного, которые я раньше вообще не замечал... Довольно долго я любовался окружающим пространством, а потом переключился на свою семью. У меня потрясающая жена, которую я очень люблю, и восхитительный сын. И они тоже любят меня. У меня отличная квартира и машина. И на этой машине я сейчас поеду в торговый центр, чтобы сделать приятное моей любимой жене.

* * *

Я вышел из квартиры. Лифт долго не приходил, так что пришлось отправиться вниз по лестнице с одиннадцатого этажа. Ноги уверенно ступали по ступенькам, рука точно схватывалась за поручень на повороте лестничного пролёта – движения получались точными, элегантными и эффективными. К седьмому этажу я уже даже не бежал, а летел вниз по лестнице, паря над ступеньками, перилами и лестничными площадками, рассекая пространство и делая фигуры высшего пилотажа. И ни разу не промахнулся мимо ступеньки и не вывихнул ногу. Вылетел из подъезда и точно опустился на водительское сиденье, как джигит на выезде вскакивает в седло. Воткнул передачу и разогнался, переключая скорости настолько точно, что двигатель не кашлял и не рычал, плавно набирая ход, словно скорости переключал не я, а дорогая автоматическая коробка. На приличной скорости проскользнул сквозь узкий проход, оставленный на выезде из двора припаркованными соседями, и не притормаживая вписался между машинами в потоке. Первый светофор проехал не снижая скорости, нервируя соседних водителей, а особенно водительниц, опасно малой дистанцией. Но я вовсе не лихачил, а уверенно вёл своего мустанга, контролируя каждый миллиметр. Во мне жили и трудились одновременно: радар – датчик дистанции, автоматическая коробка передач и мощный бортовой компьютер, который своевременно обрабатывал сигналы, отдавал указания и обеспечивал их точное выполнение. Хотя, как только я задумался о природе и волшебстве этого компьютера, в системе произошёл досадный сбой, и я задел крылом какой-то придорожный столбик. Нефиг отвлекаться на глупости. На втором светофоре всё-таки пришлось остановиться по причине непрерываемого красного света, но ушёл с него я как чемпион и снова гладко добрался до пятой скорости, ни разу не нарушив ровного нарастающего гудения двигателя. На третьем светофоре я вдруг понял, что забыл куда еду...

Ах да, в торговый центр! В торговом центре поставил машину на подземную стоянку и поднялся наверх. Я стоял посреди второго этажа и любовался изысканной архитектурой, стремительными лифтами,

прекрасными людьми, двигающимися вокруг меня. Вдруг снова понял, что вообще не помню, зачем сюда приехал. Как-то автоматически достал мобильник и набрал Зою.

– Алло, – сказала Зоя загробным голосом, который вернул меня в реальность. Явно что-то случилось.

– Зоинька, ты как? Что с тобой? – спросил я с искренней заботой.

– Ты где? – сухо спросила Зоя.

– В торговом центре.

– Что ты там делаешь?

– Не знаю, – честно признался я и тут же понял, что положение надо спасать, а то случится недоброе.

Это был тот редкий случай, когда на меня сейчас будут орать по делу. Судорожно побежал глазами по витринам. Посуда – не то... Книги – не то... Нижнее бельё – с бельём что-то было связано, но не понятно, что... Одежда – опять тепло, но не горячо... Электроника – тепло... Ремонт сумок – не то... Ремонт часов, замена батареек. О! Батарейки!

– Батарейки, – закричал я, – Зоинька, я поехал тебе за батарейками!

– Кирилл, ты издеваешься?! – закричала Зоя. – Ты сегодня в лучшей своей манере! Зачем мы к тебе приехали? Утром мучал ребёнка, отнял у него приставку и сам играл в неё полтора часа! Он мне даже пожаловался! Стыд надо иметь! Ему запрещаешь, а сам играешь! Потрясающее лицемерие. А потом сбежал тайком по своим делам!

– Зоя, я поехал за батарейками!

– Какими батарейками! Ты же не знаешь, что мне нужно. Я тебе утром дала образец, а ты оставил его на кухонном столе! Ты не слушаешь меня никогда! А что ещё я тебя просила?

– Не помню, – сокрушённо сказал я.

– Я тебя просила сдать вещи в химчистку! Ты для того и ехал в торговый центр. Но тебе по барабану, что я говорю и о чём я тебя прошу! Вещи-то ты не взял! Ты вообще ничего никогда не помнишь! Где ты сейчас? Уже пиво пьёте с Егором и Антоном? Футбол смотрите? На гитаре бренчите? Или ты выбираешь себе очередной новый чехол на водительское сидение? На моём-то пусть старый остаётся!

Этот несправедливый ранивший монолог был классическим началом нашей классической ссоры. Да, мой косяк, про химчистку забыл. Но в торговый центр-то честно поехал. Ни с каким Егором ничего не пью! Зачем говорить такие слова? Обычно в такие моменты во мне что-то начинало бурлить, и я орал Зое в ответ. А она с готовностью поднимала ставки... Но сейчас я с некоторым удивлением и радостью отметил, что ничего не бурлит. Вообще ничего. Как-то сам собой включился мудрый и сильный мужчина:

– Зоя, я сейчас вернусь за твоей батарейкой и химчисткой.

Увы, делу это не помогло. Зоя холодно отчеканила:

– Не утруждайся. Продолжай пить пиво. Мы уже опаздываем на день рождения. А потом мы поедem прямо на дачу – тебе мы явно неинтересны и не нужны.

– А батарейка?

– Я найду, кого попросить о батарейке. И уверяю тебя, мне её привезут... – Зоя бросила трубку.

Расстроенный, я поплёлся на стоянку к машине. И в лифте вдруг понял, что не знаю, где её оставил. Такое случилось со мной впервые за всю мою некороткую жизнь. Я слышал рассказы о людях, которые теряли машины на парковках, но всегда считал, что это юмористическая городская легенда и таких идиотов на свете не бывает. Мои организованность и ответственность просто не давали шанса такому сценарию. Оставляя машину на стоянке в аэропорту, я не просто запоминал место, но и фотографировал его на мобильник. В торговых центрах запоминал место как по буквенной маркировке, так и по расположению и никогда в жизни не терял машину! А теперь это случилось. Я заподозрил, что со мной происходит что-то не то, и попытался вспомнить, что случилось. Ничего не вспоминалось. Завтрак, Зоя, КАМАЗ с Гремяковым, Олег с дурацкими компьютерными играми – обычное воскресное утро.

В каком-то туманном состоянии я брёл по лабиринту парковки и высматривал свою машину. Ходил долго и наконец увидел её в пятидесяти метрах. Жизнь вернулась! Я резко рванулся к машине, к спасению, к прекращению этого безумия! Раздался визг тормозов, что-то сильно ударило меня в бедро – я отлетел к стене и больно ударился головой. Постепенно понял, что произошло: как пьяный идиот я бросился к машине по прямой, не сообразив, что нас разделяет проезжая часть. И вылетел прямо под потёртый

тарантас, который выезжал с парковки, слава Богу, не очень быстро. Из тарантаса выскочил узбек с ошарашенными глазами и бросился ко мне:

– Братишка, ты как? – тараторил он. – Ты живой? Как же ты так? Откуда же ты на меня бросился? Зачем?

– Я в порядке, – прохрипел я. Подвигал руками, ногами и головой, проверил рёбра –вроде в порядке.

– Я вызову врачей сейчас, – тараторил узбек, доставая трубку мобильного. Я буквально выхватил у него трубку, и он с изумлением её мне отдал.

– Не надо врачей. – Я совершенно не хотел общаться с врачами в этом состоянии. Забрали бы.

– А как же ты, братишка? Не могу же я тебя здесь бросить! Давай я тебя отвезу в больницу или домой, – тарател узбек. – Или хочешь полицию вызвать? – добавил он грустно. Он явно не хотел вызывать полицию.

– Так, – я сделал усилие и сложил слова в длинную фразу. – Я в порядке. Спасибо тебе за заботу. Я сам виноват в этой истории. Со мной всё будет хорошо. Езжай спокойно. Никого не вызываем ни врачей, ни полицию. Под мою ответственность.

– Телефон у тебя работает? – Узбек медленно выговаривал слова и внимательно смотрел на меня. – С тобой всё нормально?

В доказательство дееспособности я встал на ноги, достал телефон и показал его узбеку. Машины, пол и потолок поплыли. Я оперся о стену. Узбек внимательно меня осмотрел, пожелал мне всего хорошего и, наконец, уехал. Я тут же сполз по стене и стал собирать себя по частям.

Так. Со мной явно происходит что-то необычное. Я ещё раз прокрутил в голове весь сегодняшний день: завтрак–Зоя–Олег–магазин–ссора–машина–авария. Я чувствовал, что упускаю что-то важное, но не мог понять что. Мир продолжал плыть. Я постарался занять устойчивое положение: сел, оперся спиной о стену и твердо поставил ноги. Идентифицировал себя в пространстве – справа от меня урна, передо мной злосчастный проезд, прямо за ним большой джип с номером 329, а слева вдалеке шумит выезд из парковки. Моя машина находится метрах в двадцати за проездом и парой других машин, но я решил пока отложить новую попытку прорваться к ней. Что интересно, ничего плохого я не чувствовал – мир казался вполне дружелюбным и неопасным, настроение было чуть ли не хорошим. Голова работала медленно, но вполне ясно, отмечая неоспоримые факты: мир плывёт, со мной что-то не так, пока лучше с места не двигаться, ситуация стабильна, урна на месте, номер джипа 329, надо чтобы кто-то помог.

* * *

Я достал мобильник и позвонил Зое – она не ответила. Тогда набрал Егора, который жил неподалёку. Егор ответил энергично и радостно:

– Пронто modesto, Кир! Что нового?

– Егор, – сказал я медленно, нарушая заданный было им бодрый темп разговора, – мне нужна помощь, со мной что-то не так.

– Что случилось? – адекватно замедлился Егор.

– Я не могу объяснить, что случилось, но мне нужна твоя помощь. Я у выезда из подземной парковки в торговом центре. Можешь подъехать?

Егор согласился без дальнейших разъяснений. Молодец. Хороший друг. Настроение у меня поднялось, и я снова стал сползать в умиленно–расслабленное оцепенение. Время от времени я взбадривал себя проверкой целостности мира: стена, урна, 329, выезд. Всё на месте. Хотя чего-то явно не хватает. Но это что-то скрывается в странном тумане, который клубится у меня в голове. А в целом всё хорошо. Красивый паркинг, красивые машины, красивая урна. Ещё лет пять назад урн в городе вообще не было, а теперь, смотри, расставили. Движемся к Европе.

Более четверти века мы с Кулишом идём по жизни параллельными курсами, пересекаясь в ярких точках. В конце 80-х в составе ГСВГ следили за американскими войсками. В начале века служили Родине - я в правительстве, а Дмитрий в науке. Сейчас занимаемся бизнесом, детьми и личным счастьем. Хотите успеха в этих темах – читайте роман «Регулятор»! Дмитрий знает, что говорит, да и историю интересную рассказывает.

-- Агеенков Александр Владимирович, генеральный директор сети "Седьмой континент", бывший заместитель секретаря Совета Безопасности РФ

Роман разжимается, как пружина. В центре сюжета - фантастическое допущение - герой находит регулятор активности мозга. И нельзя сказать, что это допущение такое уж фантастическое, скорее прогностическое. Этот регулятор ставит героя на грань, и в этом пограничном состоянии многое проясняется... Герой романа "Регулятор" - необычный герой, живой человек. Ему хочется верить. И по его пути хочется пройти.

-- Владимир Губайловский, писатель, поэт, эссеист, лауреат российско-итальянской премии "Белла", лауреат премии "Заветная мечта", финалист премии "Большая книга"

Роман «Регулятор» - сильная книга, дающая читателю возможность не только развлечься, но и поработать над собой. На острых поворотах сюжета Дмитрий Кулиш высказался на насущные темы психологии и психотерапии: от невроза и депрессии до целеполагания и самореализации. Получилось не бесспорно, но симпатично. Базовые постулаты верны и предложены в форме интересного весёлого чтения. Если вы ищете себя или решаете проблемы, будет полезно и интересно. Рекомендую!

-- Бабин Андрей Геннадьевич, врач-психиатр, психотерапевт, руководитель Центра Психотерапии и Психологического Сопровождения

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Кулиш живёт в Москве. Предприниматель, работает в фармацевтике – занимается разработкой лекарственных средств. Воспитывает сыновей, любит женщину и людей. Ездит на мотоцикле, лазает по горам, ныряет. Кандидат биологических наук, МВА. Обучался в МИТХТ, ИМГ РАН, Гарварде и Уортоне. Призывался в Советскую Армию в 1988-1989. Жил и работал в США в 1994-2002. Публиковался в журнале «Новый Мир».

Издательство «ПЛАНЖ»

www.Планж.РФ

www.Plandge.Ru

По вопросам, связанным с творческой деятельностью издательства:

redaktor@plandge.ru

По вопросам заказа продукции издательства:

zakaz@plandge.ru